

21 ИЮЛ 1963

г. Рига

Газета №

ГАСТРОЛИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЕАТРА СОВЕТСКОЙ АРМИИ

УДАЧА АКТРИСЫ

О пьесе Иона Друцэ «Каса маре» много спорили в свое время. И не удивительно. Это произведение молдавского писателя дает повод для разных толкований и противоположных суждений. Мы не будем сейчас вдаваться в сущность этой полемики. Хочется говорить о другом, о том большом и сильном впечатлении, которое оставляет игра народной артистки РСФСР Л. Добржанской в спектакле Центрального театра Советской Армии (режиссер Б. Львов-Анохин).

Собственно, даже не стоит называть это «игрой». Редкая подлинность чувств заставляет забывать о театре, и скромная молдаванка Василида овладевает сердцем зрителя словно на правах личного знакомства.

Можно прочесть эту роль по-разному. Если увидеть в ней только переживания стареющей женщины, полюбившей молодого парня, то такая банальная история не заслуживала бы внимания. Но актриса раскрыла нам несравненно большую. Вечная тема любви, которой «все возрасты покорны», осмыслена по-современному.

В сегодняшней молдавской деревне живет и трудится, страдает и радуется солдатская вдова Василида. Разве не похожа ее судьба на судьбы многих тысяч женщин, у которых война отняла самое дорогое, кто испил в полную меру горькую чашу вдовства.

Не легкую жизнь прожила Василида. Осталась одна с маленьким ребенком. Ее лучшие годы омыты слезами, ее лучшие чувства глушило неизбывное горе. Но не согнулась Василида, выстояла, сберегла женское свое достоинство и жизнелюбие. Материнство и труд на колхозном поле заполняли жизнь.

Промелькнули годы, молодость позади, и вот уже сына в армию проводила, осталась одна. А сердце не хочет стариться, все еще ждет кого-то, все еще живет надеждой, что придет оно, запоздавшее женское счастье.

...Статная, с плавными движениями и легкой походкой, с затененным огнем в глазах, то веселых, то вдруг задумчивых, — такую мы видим впервые Василиду — Добржанскую.

Как старательно и красиво убрала она свою касу маре — особую комнату в молдавском доме, где справляют праздники и всякие торжества, «где хозяйка бережет свои лучшие песни, а хозяин свои шутки».

Хочется и Василиде созвать гостей, сплести, как бывало в молодости, огненную периницу.

Каса маре — это не только комната, но и символ всего светлого и прекрасного, к чему стремится чистая душой Василида. На радость ее или на беду заглянул сюда непутевый Павэлаке! Молодой парень, известный на селе своим легкомыслием и любовными похождениями, он и на этот раз как будто не ищет ничего большего. А все оборачивается иначе. Душевное смятение женщины, ее слова заставляют его глубоко задуматься, отступить. Он уходит... и возвращается вновь. И она, эта гордая Василида, уже не в силах прогнать его, потому что полюбила горячо и безоглядно, со всей силой нерастрченных чувств. Только ханжа может осудить ее за это.

Удивительно целомудренно проводит Добржанская эту трудную сцену, а стоило что-то чуть-чуть нарушить — и легко можно бы все опозлать, свести на нет.

Тонкость анализа душевных движений и горячее биение мысли ощущаем мы на протяжении всего спектакля. И не только в словах Василиды — Добржанской, но и в выразительном ее молчании, в этих пристальных взглядах на окружающих и в улыбке, которая освещает изнутри и делает прекрасным немолодое лицо.

Глубоко и полно раскрывает актриса душевное богатство Василиды. И, хотя об этом не так уж много сказано, веришь, что рядом с нею Павэлаке забывает про бесконечные гулянки и легкие заработки, начинает честно трудиться, серьезно относиться к жизни, ценить человеческие отношения, становится чище, лучше, богаче — словом, совсем другим человеком.

Но почему в конце концов, когда все, казалось бы, хорошо, — семья окрепла, всеми признана, сплетники утихомирились и даже взрослый сын Василиды, так долго осуждавший ее, прислал, наконец, письмо, обещает приехать, — почему Василида решает, что пришло время расстаться с Павэлаке? Она ведь знала с самого начала, что недолговечен этот союз, что разница в возрасте рано или поздно скажется. Нет ли здесь противоречия? Вероятно, есть. Потому что и жизнь в разных ее проявлениях сложна и противоречива, и люди не всегда поступают прямолинейно.

Только спустя некоторое время, пройдя сложный путь раздумий и колебаний, принимает Василида это нелегкое решение. Не всякая женщина смогла бы решиться на это, но та, которую мы видим на сцене, иначе поступить не могла.

Это самая сильная сцена в спектакле. Внешне спокойна Василида. Проникновенно, убедительно звучат ее слова.

— Мои годы уже стали уходить, а твои все приходят, — говорит она Павэлаке, — они стали между нами, как проклятая свекровь... Я смотрела на твои руки, а эта свекровь говорит: не видишь, как мечтают они поласкать ребенка, которого ты не родишь...

Важно даже не только то, что она говорит, важно, как она это говорит. Все выношенное, выстраданное, накопившееся в душе рвется наружу в этих негромких словах.

И Павэлаке понимает, что она права, покорно повинует, уходит, хотя любит Василиду.

Последняя картина. Залита солнцем касу маре. И отблески этого света ложатся на задумчивое лицо женщины в белой шали. Она молча стоит на пороге, слушает музыку, эту «сумасшедшую периницу без конца и начала», так много говорящую ее сердцу. О чем она думает? О своем прошлом? Или о будущем, о сыне и его детях и всех тех, кто подрастет и будет радоваться жизни, как умеет радоваться и она, несмотря ни на что.

Спектакль окончен. Но долго еще в памяти останется эта женщина, о которой поведала нам Л. Добржанская со щедростью, правдой и простотой, доступными только большому искусству.

Л. КАЗАКОВА.